

«МАСТЕРОМ В НАУКЕ СТАНОВИТСЯ ТОТ, КТО ЛЮБИТ ПРЕДМЕТ СВОИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, В ДАННОМ СЛУЧАЕ – ЛЮДЕЙ...»

Е.Б. Бесолова

*Силой духа, благодаря многим талантам,
но не в меньшей степени и постоянной работе,
произошло сложение, переработка, развитие,
осмысление всего того, что судьба предоставила
в распоряжение Сергея Александровича Арутюнова.*

21 декабря прошлого года, в 18 часов, не стало выдающегося ученого, кровно связанного с Кавказом, друга нашего Института, члена-корреспондента РАН Сергея Александровича Арутюнова. Не стало Человека, чья жизнь являлась образцом служения Науке; общение с которым оставляло неизгладимое впечатление; старшего друга, умевшего своей дружбой вселить веру в себя, в порядочность в науке и жизни, учившего никогда не предавать словом и делом; следовать за своей мечтой и претворять ее в жизнь. Отечественная наука понесла невосполнимую утрату: не стало одного из самых именитых ученых не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья. Блестящее владение Словом, высокопрофессиональное и вместе с этим доступное объяснение самих сложных и запутанных научных проблем; самобытный творческий подход ко всему; неподражаемое чувство юмора в сочетании с иронией; внутренняя концентрация с постоянной готовностью к мобильности; жизнелюбие в сочетании с богатейшим жизненным опытом; бережное отношение ко всем и ко всему. Ученый, не имевший равных, воспитанный XX веком... Известен был Сергей Александрович и своей многогранностью: кавказовед, японовед, крупнейший в мире специалист по древним эскимосским культурам. Для всех же профессор Арутюнов – «выдающийся теоретик, исследующий проблемы этничности у разных народов и социальных групп в разных районах мира, в разных исторических эпохах и социальных условиях, в их сопряженности с формами различных региональных и локальных цивилизаций» (А. Долуханов). В статье рассматриваются некоторые этнокультурные и этнолингвистические проблемы в трудах С.А. Арутюнова, постоянно обращавшего внимание исследователей на нарастание процессов глобализации, ведущих к исчезновению многих национальных традиций, обрядов, обычаев, систем национальных ценностей, а это, в свою очередь, к утрате не только важных элементов словаря, но и самого языка. По мнению С.А. Арутюнова, научным заслоном исчезновению национальных языков и культур может стать изучение, сохранение, развитие и популяризация архетипических констант национальных культур в этнолингвистическом аспекте («Об этнолингвистическом подходе к изучению языков Юго-Восточной Азии»; «Язык – это брод через реку времени»; «Силуэты этничности на цивилизационном фоне» и др.). Ряд работ ученого посвящен традициям, ритуалам и обычаям кавказских народов («О культе быка и барана на Кавказе и связанных с ним регионах»; «Кавказское застолье как социальный регулятор»; «Традиция жертвоприношения: общее и частное» и др.), в которых ученый анализирует обрядовый комплекс в историко-мировоззренческом аспекте. В других – взаимообусловленность этнических процессов и языка; роль и место языка в этнокультурном развитии общества, народные механизмы языковой традиции. Вопросам взаимосвязи и взаимообусловленности культурного наследия и обрядности, запечатленных в традиционных формах бытования культуры северокавказских народов, посвящен ряд работ выдающегося ученого («Жизнь как текст»; «Народы и культуры»; «Силуэты этничности на цивилизационном фоне»; материалы международных антропологических и этнографических конгрессов; и мн. др.). Впечатления и чувства от общения с непревзойденным Мэтром и его трудами невозможно вместить в одну статью. Питаем надежду на продолжение...

Ключевые слова: кавказоведение; японоведение; С.А. Арутюнов, теоретик науки; кавказские народы, культурное наследие; обрядность; архетипические константы.

Для цитирования: Бесолова Е.Б. «Мастером в науке становится тот, кто любит предмет своих исследований, в данном случае – людей...» // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 54(93). С. 151-162. DOI:

В конце прошлого года мне был передан доктором исторических наук, профессором Жуковской Наталией Львовной, по просьбе Сергея Александровича, роскошный подарок, с любовью подготовленный авторским коллективом отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Это – воспоминания и рассказы выдающегося Человека, Ученого, Учителя, Поэта о долгой и активно прожитой жизни, о вехах творческой деятельности, о людях, влияние которых на становление его личности было решающим, и еще о мн. др. [1]

Низко кланяюсь Светлане Игоревне Рыжаковой, Любви Тимофеевне Соловьевой, автору коллекции рисунков и иллюстраций Левону Абрамьяну, Юрию Дмитриевичу Анчабадзе, всему отделу Кавказа, супруге Сергея Александровича – Наталии Львовне, а также Ученому совету Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая за увековечение Памяти, Образа и Наследия выдающейся Личности в отечественной науке.

Книга «Gusaba. Влекущий колесницу глупости» представляет собой целевое интервью, вылившееся в неторопливую доверительную беседу, составившую цепочку из 42 авторских рассказов – своеобразных вех прожитой Сергеем Александровичем жизни, увязанных логически и хронологически.

Предназначение стези ученого и первая лингвистическая задача были обусловлены еще в молодости ником С.А. Арутюнова – *Гусаба (Гу-ся-ба)*, состоящем из трех иероглифов, что в прочтении, характерном для традиционных буддийских текстов, давало: ‘гу’ – глупость, ‘ся’ – повозка и ‘ба’ – лошадь, т.е. «лошадь, тянущая колесницу глупости».

«Гусяба». «Тут меня как бы стукнуло, – вспоминал Сергей Александрович. – Что, собственно, задолго до этого, приняв такой ник, я определил свою судьбу или расшифровал все, что я делал до этого момента, и все, что мне предстоит делать всю оставшуюся жизнь, что я впряжен в эту телегу, на кото-

рую наваливают постоянно ворох всяких диссертаций, рефератов, требуют отзывов, рецензий, каких-то эфемерных статей. В общем, по существу, все это – огромный ворох всяческой глупости, и я обречен был тянуть этот воз со всей этой глупостью всю оставшуюся жизнь. Я, действительно, Гусяба!» [1, 6]. Но о том, как ‘тянул!’ – свидетельствует многогранная исследовательская и человеческая жизнь Сергея Александровича Арутюнова, которую, на мой взгляд, определяют слова Альберта Эйнштейна о том, что «в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии», неоспоримым подтверждением чему являются «Венки сонетов» Ученого.

Основы «широчайшей», по определению С.И. Рыжаковой, языковой эрудиции будущего ученого были заложены в семье, в домашних условиях. Классическое гимназическое образование вложила в Сергея Александровича бабушка, Антонина Ивановна Кириченко. Запомнилось, что буква ‘ять’ для Арутюнова, воспитанного украинской бабушкой, «воплощала единство русского, украинского и белорусского народов» [1, 8].

Дальнейшее обучение состоялось благодаря матушке, тетушкам и чтению книг, которых в доме Арутюновых было много. Это была литература «как дореволюционных авторов, так и классическая зарубежная и русская литература, а еще много профессиональной: по микробиологии, физиологии, виноделию, агрономии, товароведению плодов и овощей и мн. др.» [1, 9].

С одной стороны, родная семья, в которой звучали, кроме русского и армянского, французский, итальянский, немецкий языки; с другой – семья родственников, где все было устроено по-грузински, говорили в основном на грузинском языке: «Тифлис 1930-х гг.: многоэтничный город! – вспоминает Сергей Александрович. – Дворовая компания, школа – там были дети из польских, еврейских, греческих, немецких семей. Звучали разные языки, в семьях соблюдали разные обычаи.

Первые представления об иврите по учебникам XIX века получил с помощью приятелей – грузинских евреев, и об идише – от ашкеназских» [1, 19].

Тогда же, в юности, С.А. Арутюнов, выросший в атмосфере многоязычия, познал также различия национально-культурных традиций и специфику национально-культурных особенностей речевого поведения: «Я вырос в грузинской среде, где обучился, среди прочего, застольному этикету и искусству» [1, 19].

Первые наблюдения обрядности – семейной с элементами религиозной: «Они все делали как грузины: выпивали и закусывали как грузины, пели грузинские песни, гордились деловыми успехами своих предков»; и далее: «Жизненные ценности их тоже были связаны с нравами торгово-купеческого сословия» [1,11].

Сергей Александрович вспоминал, что бабушка Лиза, знахарка и колдунья, еще в детстве научила его нескольким молитвам; брала его с собой в лес, на поляну, где выщипывала красные цветочки из белых соцветий дикой моркови, мяла и полученной красной пастой ставила ему точки на лоб и обе ладони, при этом проговаривала: «В обрядности православной церкви ничего такого нет, так что это каких-то духов, богов, не знаю что, кого-то она почитала и вот так меня отмечала. И еще какие-то там обряды, у какого-то камня: ... тут просто надо было рассупониться как-то, и быть что ли беззащитным и открытым этим духам» [1, 13]. Удивительные воспоминания («Разные обряды она со мной проводила, заговаривала зубную боль, заговаривала тараканов, клопов и даже мелких муравьев...» [1,14]) – относятся к годам юности.

Привлекло наше внимание красочно-информативное описание обряда выпекания и поедания хлеба армянами и грузинами: «Но грузины не пекут лаваш. <...> В деревнях пекут так называемые шоти; в городах тоже пекут, маленькие и большие круглые пекут. **Шоти** вообще – хлеб в виде полумесяца, в виде лодочки. Он быстро черствеет, но поскольку хлеб в основном едят, крошив его в какую-нибудь похлебку, то употребляют и достаточно зачерствевший. Семья раз в неделю примерно выпекает, кооперируясь с парой

соседей. Потому что для тонира (по-грузински **тоне**) – это очаг в форме усеченного конуса. В Армении он вкапывается в землю, а здесь он был на земле, на уровне земного горизонта воздвигнут, обмазан со всех сторон глиной, оплетен плетнем.

Внутри он состоял из двух обожженных керамических половин, и в нем раз в неделю пекли хлеб; топлива много нужно, чтобы его протопить, чтобы он раскалился. Выпекают хлебцы-шоти на стенках этого тонира» [1, 20].

Но в другой статье отмечается, что, несмотря на множество видов, а также диалектных названий хлеба в армянской традиции (*лош, окон, гата, бокех, доник, цакулик, соми, шот* и др.), вершиной армянского хлебопечения является *лаваш*, который пекут независимо от того, есть в доме хлеб или нет [2,200]. Роль хлеба у армян очень значима; вот почему выпечка нового хлеба – *лаваша* – составляет как важнейшую новогоднюю заботу, так и торжественный ритуал на каждый календарный и обрядовый праздник. Слова ‘завтракать’, ‘обедать’ и ‘ужинать’ часто заменяются словами *һац утел* – ‘есть хлеб’, причем поделенный хлеб обязывает человека к дружбе. Хлеб – это рука друга, протянутая голодному и пострадавшему от стихийного бедствия, а ‘отрезать’ чей-то хлеб – значит лишить этого человека благосостояния и работы; на хлебе кланутся, призывая его в свидетели.

По обету армяне первые семь хлебов отсылают соседям, могут молча передать прохожим как долю Астваца (жертвоприношение Богу). Известно, что хлеб для армян – оберег, поэтому мать кладет его на грудь младенцу, если выносит из дома новорожденного, или же когда сама выходит, оставив ребенка без присмотра: здесь хлеб защищает его от хтонических сил.

И еще. Тонир считается священным, поэтому невесту, вводя в дом жениха, трижды обводят вокруг тонира, приобщая к семейному очагу, что эквивалентно венчанию в храме [2, 202-203]. Первый лаваш не едят: есть поверье, если кто из домашних женщин съест, то лишится мужа – может умереть; первый хлеб нельзя есть и детям. Как только выпекают 3 или 7 лавашей, то первые смешивают с остальными: проводят обряд «запутывать следы». Заметим, что еще много интересно-

го и полезного содержит статья о лаваше как обычае жертвоприношения ритуальным хлебом.

Завораживает необычность подхода воспоминаний о характерах и поучительных судьбах ряда людей, с которыми жизнь сталкивала ученого, потому что нельзя не заметить, что на формирование личности влияют не только семья, общество и учебные заведения, но и каждый встретившийся оставляет неизгладимый след в судьбе.

Нельзя не согласиться с проф. Арутюновым в том, что и примеры в назидание из первых уст, и из личного опыта, и обоснование необходимости комплексной оценки и тщательного отбора материала и фактов – одинаково существенны, ибо «ни один источник не может быть решающим и преимущественным по сравнению с другими. В разных случаях разные источники могут иметь преобладающее значение, но в любых случаях достоверность выводов в первую очередь зависит от возможности их взаимной перепроверки» [3, 57]. Системный отбор, по мнению ученого-патриарха, должен быть в арсенале исследователя, потому что он позволяет выявить действительно все полезное, связать прошлое с современностью, привести яркие исторические примеры для того, чтобы обосновать социальную значимость этнологии, антропологии и их изначальное предназначение.

Человек, владеющий семью языками, придает лингвистическому материалу высокую оценочную значимость, богато использует не только в своих диссертациях – «Древний восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев»; «Процессы изменения и развития бытовой сферы в современной японской культуре», но и во всех многочисленных научных изысканиях. К примеру, наглядные примеры с обоснованием интегральности Кавказа, что созвучно мысли В.И. Абаева о формировании и наличии своеобразного кавказского этноязыкового союза, свидетельствующего о сложении «единого в существенных чертах культурного мира» [4, 89].

Не может не поразить аналогия между многомерностью научного мышления и способностью к необыкновенно цельному восприятию стольких картин мира при знании

разноструктурных языков. На этой же аналогии основаны особое эстетическое видение, созерцание и уединенные размышления, которые необычным образом раскрываются в стихах, а также в лиричности любого труда Сергея Александровича. По нашему мнению, это и есть то, что роднит ученого Арутюнова с поэтами, писателями и художниками. Здесь, на наш взгляд, к месту строки о сущности информации, свидетельствующие об особом алгоритме мировосприятия С.А. Арутюнова: «Литературное творчество, если и отражает реальную действительность, то, прямо скажем, достаточно редко. В основном оно отражает внутренний мир самого писателя и больше ничего. Но даже если и отражает, то ...очень сильно преобразованным. <...> Художественная литература – это не то место, где можно найти информацию. Во всяком случае, редко. А когда находишь книгу, богатую информацией, она, как правило, низкохудожественная» [1, 51]. Далее ученый формулирует свое понятие этнографической информации, которая, по его мнению, есть «понятие о формах конфигурации отношений между людьми посредством каких-то предметов. Если прямо между людьми, т.е. социология; ...посредством других предметов – то это уже антропология. А этнография это такая антропология, в которой обязательно присутствует момент этнической принадлежности акторов. В антропологии это не обязательно» [1, 51].

Этнографо-антропологический дискурс исследуется Сергеем Александровичем на материале различных языков и этнических культур. К примеру, ученый считал, что «в результате процесса индоевропеизации не только равнинная часть Северного Кавказа к X–XII вв. оказалась занятой аланами, но по речным долинам они проникали глубоко в горные области и оказывали ассимилирующее воздействие на проживавшие здесь северокавказские племена [5, 129]. Но заметив, что христианизация алан – поверхностная, отлична от ее формы в Армении и Грузии, обосновывает четкую причину: это – этническая идеология, носителем которой оставались «понятия и ценности скифо-сарматского язычества, нашедшие свое более яркое выражение в Нартском эпосе. Мы вовсе не хотим здесь абсолютизировать

ни восточноиранскую принадлежность алан, ни иранскую или скифо-сарматскую принадлежность нартского эпоса. Вполне возможно, что тесно связанные с кочевым миром евразийских степей аланы еще с гуннского времени включали в свою этническую культурную общность существенные неиранские, в частности тюркские компоненты. Несомненно, что во всех вариантах Нартского эпоса тесно переплетаются мотивы глубокой древности с отголосками исторических событий эпохи средневековья, иранские внекавказские образы и сюжеты – со специфическими горскими кавказскими. Но все же стержень аланского и «нартского» этнокультурного достояния нельзя определить иначе, как продолжающие скифо-сарматские культурные традиции» [5, 129–130].

Ученый почти во всех публикациях признает этнокультурный и этнолингвистический подходы к изысканиям культуры и рекомендует исследователям – через язык, в котором находят отражение не только окружающий мир, народный быт, национальное самосознание, национальная ментальность, национальный характер, система ценностей, но и мировосприятие, и мироощущение человека, создавшего и создающего эту культуру. Причем, заметим, достаточно выпукло проявляются они и в образных воспоминаниях ученого, читать которые чрезвычайно увлекательно, при описании многих этнокультурных и этнолингвистических особенностей стран, в которых Сергей Александрович побывал. К примеру, национально-специфическая картина мира японцев передана рассказчиком собственно текстом, состоящим из языковых единиц и включающим в себя совокупность экстралингвистических факторов, носящих этнокультурную природу. Но при этом «сущность и дух японской культуры так глубоко укоренились в душе Сергея Александровича, что «время от времени прорывались в откровениях, ощущениях и поэзии» [1, 71].

Поэзией проникнута и удивительно содержательная статья С.А. Арутюнова «Сад цивилизаций», которую автор данных строк нарекла «Садом наслаждений»: непостижимо просто и образно предлагается экскурс в многообразии цивилизаций, подробно опи-

сывается уникальность базисных основ, из которых наиважнейшая – метаязык. В частности привлекает внимание рассмотрение соотношений таких категорий, как формация и цивилизация в аспекте когнитивных целей. Принципы, положенные в «различение, предпочтение и противопоставление друг другу таких подходов к изучению исторической реальности, как формационный и цивилизационный» к корпусам прототекстов каждой надэтнической общности, исходят из метаязыка [6, 33–50].

Неоспоримыми также представляются в понимании С.А. Арутюнова такие проблемы, как соотношения языка (речи) и мышления, языка и сознания, а также особенности взаимоотношений между содержанием и формой внутри языкового знака с комплексным применением ряда методов. Это дает возможность увидеть их по-новому, располагает к выявлению в них как универсальных, так и специфических черт.

Этнолингвистический подход к изучению традиционной духовной культуры, равенство языка и культуры, признание специфики каждого идиома языка и культуры, а также восприятие символического языка культуры через вербальный язык способствуют ученому в реконструкции культурных смыслов и семантических моделей картин мира жителей тех стран, в которых ученый побывал, и которых он постигал. К примеру, С.А. Арутюнов считает, что культура осетин «очень жизнерадостная, позитивная, направленная на созидание, активная культура, как и культура горских народов вообще, горских народов Кавказа в особенности. Никакой заостренности на эсхатологических проблемах, на проблемах исключительной жизни на том свете при игнорировании и пренебрежительном отношении к нуждам современной жизни, что, между прочим, характерно для классического христианства, у осетин нет. Само христианство их, будучи густо замешано на языческой подоснове, носит не столько эсхатологический, сколько именно активно жизнеутверждающий характер» [7, 210].

Основное кредо ученого Арутюнова: доверять более надежным и обоснованным анализам и обобщениям, базирующихся на гораздо более обширном, повторяющемся и

взаимодополняющем, материале, все более подкрепляемом новой, более совершенной, методикой и данными точных наук; этот принцип следует применять в связи с различием между объективной реальностью и его более или менее субъективным истолкованием в сознании исследователя, приводя параллели между материальным объектом и языковым текстом [3, 5]. Проиллюстрируем воспоминаниями о «высоком неканоническом» обряде, ознаменовавшем, как пишет С.И. Рыжакова, «возвращение» Сергея Александровича в реальный культурный ареал его детства» [1, 121].

Речь идет об обряде жертвоприношения в ритуальной жизни народов Кавказа, в котором приходилось участвовать и ему, ученому. В воспоминаниях подробно описываются истоки, ритуальные действия и их символика, даются параллели и приводятся культовые персонажи этой культурной традиции армян с применением приемов и методов историко-этнографических ареальных исследований вкупе со сведениями о материальной и духовной культуре. По словам ученого, это лишь «некоторое предварительное эссе, набросок некоторых мыслей и наблюдений» [8, 5]. Подобная взыскательность присуща ученому Арутюнову с юношеских лет и достойна всяческого подражания.

Сравнительно-сопоставительное описание обряда жертвоприношения у народов Кавказа дано С.А. Арутюновым в статье «О культе быка и барана на Кавказе и связанных с ним в регионах» [8, 5–18].

В публикации достаточно подробно анализируются специфика и разнообразные формы жертвенных приношений у народов Кавказа, их акторы и обрядовые действия; сопоставляются лингвистические и этнические особенности кавказского ареала – гомогенного этнографически, но мозаичного в этнолингвистическом плане. Рассмотрение парадигмы жертвоприношений в ареальном аспекте – разнонаправленное, разноплановое и разномасштабное. За исходную зону взята автором Армения, в качестве модели – армянское жертвоприношение, но с замечанием, что очень близки к данной модели грузинский и осетинский варианты, отличающиеся от нее лишь мелкими деталями.

Примечательной в статье является функциональное взаимодействие этноязыковых, этнокультурных и этнопсихологических уровней и обстоятельств: «Языки всех семей ностратической филы (грузинские, индоевропейские, алтайские) проникали сюда извне: либо из центральной и восточной Анатолии, либо из евразийских степей. При этом они подвергались столь сильному воздействию местных, собственно кавказских языков, что сами стали эндемически кавказскими, а говорящие на них народы – не менее репрезентативными для общекавказского культурного этноса, нежели исконно кавказоязычные народы» [8, 6].

Заметим, что приведенная выше мысль отлично согласуется с концепцией как А. Дирра, так и В.И. Абаева. Ср.: «То древнекавказское единство духовной культуры региона, которое первоначально было свойственно “северокавказоязычному” ареалу, охватывавшему и Северный, и Южный Кавказ, и даже области, примыкавшие к последнему с юга, сегодня может быть прослежено, пусть и во фрагментарной и пережиточной форме, в духовном достоянии всех народов Кавказа вне зависимости от их языковой принадлежности» [8, 7].

В частности заслуживает внимание акцент автора на том совете, что «при анализе представленных на Кавказе и характерных для кавказского культурного комплекса явлений, мы вправе использовать не только и даже не столько северокавказские материалы, сколько армянские, грузинские и даже алано-осетинские и тюркские (карачаевские, балкарские и др.)» [8, 7]. С.А. Арутюнов вывел и установил логически внутреннюю связь и внутреннюю систему соответствий жертвоприношения, выявив его особенности и общие представления, воплощенные в нем как часть их религиозно-мифологических воззрений. И это дает осмысление и интерпретацию общего и частного в духовной культуре означенных «кавказоязычных» народов.

Обстоятельное знание обрядов и личное участие Сергея Александровича в них выявляется в детальном и последовательном их освещении. Проиллюстрируем обрядом жертвоприношения, в котором автор выделяет особенности построения обрядового

текста, категории и структуру описываемого обряда, понимаемого ученым как культурный текст с использованием не только внеязыковых средств выражения, но и языковых знаков, что указывает на особый план содержания: «Есть целый ряд правил, общих для всех или большинства народов Кавказа, касающихся подготовки к жертвоприношению, ритуала его проведения, форм потребления мяса, обращения с остатками (шкурой, костями) и т.д.» [8, 7].

С.А. Арутюнов далее продолжает описывать действия, предшествующие закланию, при этом замечая, что заклание жертвенного животного – ритуал достаточно сложный. Обряд содержит в себе в основном «дохристианские элементы типа снятия жертвователем пояса и оружия, обведения жертвы вокруг сакрального объекта (руин, камня, дерева), нанесения надрезов и знаков, и т.д.», но если его упростить, сводится к закидыванию в рот животного перед закланием щепотки заранее освященной соли» [8, 8].

Обращает внимание на активное участие армянских женщин в обряде жертвоприношения, чего не наблюдается у женщин-осетинок, роль которых сводится к приготовлению пива и сакральных пирогов.

Вызывают интерес четыре ступени жертвоприношения у армян, сообщаемых С.А. Арутюновым. Первая ступень – это принесение женщинами в жертву пары голубей, петуха («...за здоровье больного ребенка, или здорового ребенка, чтобы не заболел»; «опять-таки женщины, но это могут быть и дети, и девочки, и мальчишки, часто именно мальчишки, они приносят в жертву петуха» [1, 122]).

Вторая по градации – принесение мужчинами в жертву барана как всеобщей эманы благодати, т.е. *фарна* («могут в жертву принести по разным случаям: вознося молитву за больного родственника; за мужчину, или в благодарность за человека, спасшегося от катастрофы»; баран – благодарственная жертва [1, 123]). Структура последовательность и ритм исполнения ритуальных действий в описании обряда жертвоприношения барана выглядят следующим образом: «...освященную священником соль берем с собой и едем за город, недалеко. <...> ребята, моложе

меня, бесспорно, выбирают барана, его выносят или выгоняют из загона. Один зажимает голову барана между колен, почти садится на него верхом, а я произношу молитву. По-армянски я знаю только «Отче наш», конечно, я знаю ее на древнеармянском языке.

После произнесения молитвы я перекрещиваю лоб этому несчастному барану и обязательно кладу освященную соль ему на язык. После чего курды его тут же забивают. Там обязательно ручеек какой-нибудь протекает, чтобы кровь и всякую нечисть снесло водой. При этом шкура, голова, кишки и желудок остаются курдам. Это обычай такой. А сердце, почки, печенка – отдельно. <...> ...мешки с кусками баранины погружаем в багажник, увозим, и к вечеру женщины уже приготовили это мясо, и мы его съедаем. Его много, поэтому мы его и по домам разносим. И разносим по соседям. Но в 7 квартир надо разнести обязательно. Можно и сырое отнести, а можно и вареное. Ни в коем случае не жарят, только варят» [1, 122–125]. Заметим, что описанное жертвоприношение очень разнится с принесением в жертву барана осетинами.

Следующая ступень – бык (особенно бычок); четвертая – коза (преимущественно козел). Далее ученым даются ‘этный’ и ‘эмный’ характер различий, причем «будучи заметными глазу стороннего наблюдателя, не обуславливаются какими-либо эксплицитными правилами и предписаниями и не осознаются самими жертвователями как черты, поддающиеся дискретным описанию» [8, 9]. По мысли автора статьи, «их первоначальный ‘эмный’ характер стерся в ходе параллельной практики, и некогда выступал в более отчетливой форме осознаваемых знаков или статусных показателей» [8, 9]. Неоспоримо также следующее допущение, сводимое к тому, что культ быка, как и культ барана в прошлом, возможно, отправлялся разными коллективами, имеющими определенные различающиеся культурные и этнические свойства, и даже мог выступать в форме бинарной оппозиции. Но существовало единое требование к жертвам: и баран, и бык должны были быть с нерастроченной сексуальной энергией [8, 9].

В конце сентября 2012 года С.А. Арутюнов был приглашен во Владикавказ на

II международную конференцию «Россия и Закавказье: новые реалии, проблемы и перспективы». Газета Владикавказского института управления «Пульс» сообщила об участниках научного форума, при этом отметила, что «особым событием стало участие в ней выдающегося исследователя, ученого с мировым именем, профессора, члена-корреспондента РАН, заведующего отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН Сергея Александровича Арутюнова» [9].

Знакомя участников научного форума, преподавателей и студентов с ученым, сообщила, что «Сергей Александрович – автор более 500 работ, десятки из которых посвящены проблемам Кавказа, а более 90 из них опубликованы в иностранных изданиях. С.А. Арутюнов – автор известной теории, которая называется «информационной теорией этноса». Впервые она была опубликована в написанной совместно с Н. Чебоксаровым статье «Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества», вышедшей в свет в 1972 году в журнале «Расы и народы». Интерес ученого к проблемам Кавказа и истории кавказских народов не случаен: родители профессора долгое время жили во Владикавказе, а родная тетя – в Нальчике, что же касается пути С.А. Арутюнова в науку, то он типичен для его поколения [9]. Естественно, после подобного представления студенты заполнили настолько плотно зал, что часть их стояла даже в коридоре.

Доклад С.А. Арутюнова «Цивилизационный аспект перспектив малых новых независимых государств Закавказья» вызвал громадный интерес, что выразилось в большом количестве вопросов.

На следующий день участники конференции продолжили работу в молодежном центре «Барс» в поселке Фиагдон, где приняли участие в работе круглого стола «Проблемы молодежи Северной и Южной Осетии», на котором обменялись мнениями, а также обсудили пути выхода из переживаемого молодежью кризиса. Всю дорогу до молодежного центра Сергей Александрович беседовал с моим старшим внуком, Беком, и достаточно было видеть возбужденно-радостное лицо и светящиеся глаза юноши,

сосредоточено внимавшего Мэтру-Мудрецу, чтобы понять, как им обоим интересно и хорошо вместе. Правы ученики Ученого, считавшие, что «Мастером в науке становится тот, кто любит предмет своих исследований, в данном случае – людей» [10, 20], что в полной мере ощутила и автор данных строк на себе.

В «Барсе» круглый стол состоялся. Благодаря участию и выступлению Сергея Александровича. Изумила удивительная активность молодежи. Так может воздействовать только выдающаяся личность, которая, несмотря на интенсивную и плодотворную деятельность свою, осталась в возрасте участников обсуждения злободневных молодежных вопросов.

Сама судьба, по моему мнению, вела Сергея Александровича, оберегая и направляя его. Проиллюстрируем.

В автобиографии «Жизнь как текст» главу «Пути и вехи жизни» предвдваряет «Благодарственная речь члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Арутюнова Сергея Александровича на праздновании его 75-летия 01 июля 2007 года» в стихах [11, 6–7]. В ней автор определяет себя и свое призвание словом «ТРУБАДУР», переносное значение которого «Прославляющий, возвеличивающий что-либо»; здесь речь идет о прославлении и возвеличении благородной «Этнографии», которую ученый любит самозабвенно и преданно, «как даму»!

В главе «Пути и вехи жизни» автор рассказывает об основных вехах жизни.

1950 г. Окончив школу с медалью, вне конкурса поступил на японское отделение восточного факультета Московского института востоковедения (МИВ); закончил обучение с отличием.

1954 г. Зачисление в аспирантуру Института этнографии АН СССР; работа над кандидатской диссертацией по теме «Древнейшие восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев» (защита прошла в 1962 г.). С октября 1957 года и до самой смерти (декабрь 2023 г.) жизнь Сергея Александровича связана с этим институтом.

Бесчисленное количество экспедиций и научных командировок, множество полевых этнографических работ...

В мае-августе 1960 г. С.А. Арутюнов уезжает в первую командировку в Японию, которая, по его словам, была «одной из самых длительных (три месяца)», для сбора материала по современной бытовой культуре японцев и айнов и получения детального представления об их религиозной жизни» [11, 13–14]. Эта поездка вызвала культурный шок у его японских коллег. Японские газеты в 1960-е годы писали о том, что в стране появился молодой ученый, который говорит на японском языке и следует японскому этикету так, как это было редкостью в самой Японии, ибо уже в эти годы столь правильной речью и старинными манерами владели лишь японские старики. Удивленные японцы стали наводить справки об армянине, столь глубоко проникнутым японской культурой. Пришлось Сергею Александровичу рассказывать им всю историю семьи. Не могу здесь не процитировать одного из учеников Мэтра, по мнению которого «фундаментальные научные труды берут начало в первопространстве личности – в семье, история которой легендарна по определению, поскольку в образе старших родственников для младших сосредотачивается авторитет этого мира. Особенно на Кавказе. Так предки – люди «золотого века» все участвуют в жизни потомков, так все блага мира разворачивают из единого акта первотворения, по законам креативных жанров. И это сродни космогенезу. Просто космогонический процесс в масштабах антропологического микрокосма принято обычно называть судьбой» [10, 21].

Блестящая защита С.А. Арутюновым докторской диссертации в мае 1970 года по теме: «Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре».

Добавим, что на материалы исследований лингвистических, археологических и этнографических культурных ареалов Японии опирается во многом и теория ареальной стабильности, порождаемая рядом факторов: микро- и макротопографическими особенностями ландшафта, избирательностью контактов, «пропускной возможностью» всевозможных культурных каналов связи, составляющая суть общей культурной закономерности [1, 86].

Сектором Кавказа С.А. Арутюнов начал заведовать с 1985 г., и, несмотря на то, что ученый никогда не порывал с Кавказом и кавказскими изысканиями, включая полевые работы в Армении, «словно бы произошло «возвращение» в реальный культурный ареал его детства», как пишет один из его учеников. И отныне приоритетной становится кавказская тематика в научной деятельности Сергея Александровича. «То, что Сергей Александрович пишет сегодня по кавказским проблемам актуально, но и работы, написанные тридцать лет назад, хочется время от времени перечитывать. Потому что интересно. Потому что эти работы, раскрыв суть проблемы явления, не убивают в явлении его первоизданную тайну. Потому что их написал Мастер» [10, 20].

С.А. Арутюнов, отличавшийся масштабом интеллектуальной деятельности, ученый с мировым именем и энциклопедически-ми знаниями относился, как известно, одинаково уважительно, одинаково внимательно и к известным людям, так и к аспиранту или студенту: он принадлежал к тем редким людям, которые покоряли своим благородством, простотой, теплотой и мистическим обаянием.

1. GUSABA. Влекущий колесницу глупости. Воспоминания и рассказы о жизни российского этнографа, чл.-корр. РАН, доктора исторических наук, профессора Сергея Александровича Арутюнова. М.: ИЭА РАН: ПОЛИМЕДИА, 2023. 196 с.

2. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Вершина хлебопечения – лаваш // Хлеб в народной культуре. М., 2004. С. 200–209.

3. Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012. 416 с.

4. Абаев В.И. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка // Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. I. С. 9–94.

5. Арутюнов С.А. Глоттогенез и этногенез на Кавказе // Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994. С. 92–154
6. Арутюнов С.А. Сад цивилизаций // Культурное наследие народов Кавказа / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 33–50.
7. Арутюнов С.А. Рец. на кн.: Е.Б. Бесолова. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с. // Известия СОИГСИ. 2009. Вып. 3 (42). С. 209–212.
8. Арутюнов С.А. О культе быка и барана на Кавказе и связанных с ним регионах // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 5 (44). С. 5–18.
9. Россия и Закавказье: новые реалии, проблемы и перспективы // Пульс. 2012. № 4. С. 1–2.
10. Банников К.Л. Инстинкт гармонии смыслов. М.: ИЭА РАН, 2022. 96 с.
11. Арутюнов С.А. Жизнь как текст. Автобиблиография. М.—Хельсинки, 2012. 89 с.
12. Рыжакова С.И. Влекущий колесницу глупости. С.А. Арутюнов: к 75-летию со дня рождения // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 118–128.
13. Банников К.Л. Сергей Александрович Арутюнов (к 70-летию со дня рождения) // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 1. С. 18–24.

Besolova, Elena B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); elenabesolova@mail.ru

“A MASTER IN SCIENCES IS ONE WHO LOVES THE SUBJECT OF HIS STUDY, IN THIS CASE, HUMAN BEINGS...”

Keywords: *Caucasian Studies; Japanese Studies; Sergey Alexandrovich Arutyunov, Theorist of Science; Caucasian Peoples, Cultural Heritage; Rituals; Archetypal Constants.*

On 21 December last year, at 6 p.m., an outstanding scientist, a friend of our Institute, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Sergey Alexandrovich Arutyunov, who had a blood connection with the Caucasus, passed away. He was a man whose life was a model of service to science; whose communication with him left an indelible impression; a senior friend who was able to instill faith in himself, in decency in science and life, who taught never to betray by word and deed, to follow his dream and realize it. Domestic science has suffered an irreparable loss: one of the most eminent scientists not only in Russia, but also in the near and far abroad has passed away. Brilliant command of the Word, highly professional and at the same time accessible explanation of the most complex and intricate scientific problems; original creative approach to everything; inimitable sense of humor combined with irony; inner concentration with constant readiness for mobility; vitality combined with a wealth of life experience; careful attitude to everyone and everything. A scientist unrivalled, nurtured by the 20th century... Sergey Alexandrovich was also known for his versatility: a Caucasian scholar, a Japanese scholar, the world's largest expert on ancient Eskimo cultures. For everyone, Professor Arutyunov is “an outstanding theorist who studies the problems of ethnicity among different peoples and social groups in different parts of the world, in different historical epochs and social conditions, in their conjugation with the forms of various regional and local civilisations” (A. Dolukhanov). The article deals with some ethno-cultural and ethnolinguistic problems in the works of S.A. Arutyunov, who constantly drew the attention of researchers to the increasing processes of globalisation, which led to the disappearance of many national traditions, rituals, customs, systems of national values, and this, in turn, to the loss of not only important elements of the vocabulary, but also of the language itself. According to S.A. Arutyunov, a scientific barrier to the disappearance of national languages and cultures can be the study, preservation, development and popularisation of archetypal constants of national cultures in the ethnolinguistic aspect (“On the Ethnolinguistic Approach to the Study of the South-East Asia Languages”; “Language is a Ford Across the River of Time”; “Silhouettes of Ethnicity

on the Civilisation Background”, etc.). Several of his works are devoted to the traditions, rituals and customs of Caucasian peoples (“On the Cult of the Bull and the Sheep in the Caucasus and Related Regions”; “The Caucasian Feast as a Social Regulator”; “The Tradition of Sacrifice: General and Particular”, etc.), in which he analyses the ritual complex from a historical and ideological perspective. In others – the interdependence of ethnic processes and language; the role and place of language in the ethno-cultural development of society, folk mechanisms of linguistic tradition. Several works by the outstanding scholar (“Life as a Text”; “Peoples and Cultures”; “Silhouettes of Ethnicity against a Civilisational Background”; materials of international anthropological and ethnographic congresses; and many others) are devoted to the interrelation and interdependence of cultural heritage and rituals depicted in the traditional forms of the culture of the North Caucasian peoples. Impressions and feelings from the dialogue with the unrivalled Mater and his works cannot be contained in one article. We hope for the continuation...

For citation: Besolova, E.B. “A Master In Sciences Is One Who Loves the Subject of His Study, In This Case, Human Beings...” // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 54 (93). Pp.151-162. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.93.54.015

References

1. GUSABA. *Vlekushchii kolesnitsu gluposti. Vospominaniya i rasskazy o zhizni rossiiskogo etnografa, chl.-korr. RAN, doktora istoricheskikh nauk, professora Sergeya Aleksandrovicha Arutyunova* [GUSABA. Dragging the Chariot of Stupidity. Memories and Stories about the Life of Russian Ethnographer, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor Sergey Alexandrovich Arutyunov]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, POLIMEDIA, 2023. 196 p.
2. Arutyunov, S.A., Mkrtumyan Yu.I. *Vershina khlebopecheniya – lavash* [The Pinnacle of Baking – Lavash.]. *Khleb v narodnoi kul'ture* [Bread in Folk Culture]. Moscow, 2004, pp. 200–209.
3. Arutyunov, S.A. *Siluety etnichnosti na tsivilizatsionnom fone* [Silhouettes of Ethnicity against a Civilisational Background]. Moscow, INFRA-M, 2012. 416 p.
4. Abaev, V.I. *Proiskhozhdenie i kul'turnoe proshloe osetin po dannym yazyka* [Origin and Cultural Past of Ossetians According to Language Data]. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetic Language and Folklore] Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. 1, pp. 9–94.
5. Arutyunov, S.A. *Glottogenez i etnogenez na Kavkaze* [Glottogenesis and Ethnogenesis in the Caucasus]. *Narody Kavkaza: antropologiya, lingvistika, khozyaistvo* [Peoples of the Caucasus: Anthropology, Linguistics, Economy]. Moscow, 1994, pp. 92–154.
6. Arutyunov, S.A. *Sad tsivilizatsii* [The Garden of Civilisations]. *Kul'turnoe nasledie narodov Kavkaza* [Cultural Heritage of the Peoples of the Caucasus]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2014, pp. 33–50.
7. Arutyunov, S.A. *Rets. na kn.: E.B. Besolova. Yazyk i obryad: pokhoronno-pominal'naya obryadnost' osetin v aspekte ee tekstual'no-verbal'nogo vyrazheniya. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. 406 s.* [Review of the Book: E.B. Besolova. Language and Ritual: Ossetic Funeral and Memorial Rites in the Aspect of its Textual and Verbal Expression. Vladikavkaz, Publishing and Printing Centre of the North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies, 2008. 406 p.]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2009, iss. 3 (42), pp. 209–212.
8. Arutyunov, S.A. *O kul'te byka i barana na Kavkaze i svyazannykh s nim regionakh* [On the Cult of the Bull and Ram in the Caucasus and Related Regions]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2011, iss. 5 (44), pp. 5–18.
9. *Rossiya i Zakavkaz'e: novye realii, problemy i perspektivy* [Russia and Transcaucasia: new Realities, Problems and Prospects]. *Pul's* [The Pulse]. 2012, iss. 4, pp. 1–2.

10. Bannikov, K.L. *Instinkt garmonii smyslov* [The Instinct for Harmony of Meanings]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, 2022. 96 p.
11. Arutyunov, S.A. *Zhizn' kak tekst. Avtobiografiya* [Life as a Text. Autobiography]. Moscow–Helsinki, 2012. 89 p.
12. Ryzhakova S.I. *Vlekushchii kolesnitsu gluposti. S.A. Arutyunov: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya* [Dragging the Chariot of Stupidity. Sergey Alexandrovich Arutyunov, on the 75th Anniversary of His Birth]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2007, iss. 4, pp. 118–128.
13. Bannikov, K.L. *Sergei Aleksandrovich Arutyunov (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Sergey Alexandrovich Arutyunov (70th Anniversary of His Birth)]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Cultural Studies in Siberia]. 2003, iss. 1, pp. 18–24.